

Инструмент осознания

Тексты, собранные в этой книге, очень разные, как и их авторы. Однако у авторов есть одна общая черта, своеобразное фамильное сходство: их научное творчество так или иначе несет на себе отпечаток непосредственного знакомства с Альбертом Кашфулловичем Байбуриным. Вообще говоря, ученых, которые испытали влияние — и притягательность — его работ, на свете много. Не будет преувеличением сказать, что несколько поколений исследователей «вышли», будто литераторы из «Шинели» Гоголя, из книги про ритуал в традиционной культуре, а также отчасти из книги про жилище и, конечно, из книжечки про этикет (Байбурин 1983, 1993; Байбурин, Топорков 1990). Текст представляет собой программу, которая проводит читателя через серию испытаний, в результате которых читатель порождает смыслы, более или менее успешно протаптывая в своем уме ту тропинку, по которой впервые прошел автор текста. Кроме этой тропинки, наших авторов роднит между собой еще и влияние личности Альберта Кашфулловича. Ведь в этом, собственно, и заключается смысл ученичества. Избранным из нас выпало не только знакомство с обаянием, остроумием и глубиной Байбурина-лектора, но и возможность, находясь с учителем в одной среде, поначалу подражать ему, а потом уже самостоятельно работать, научившись хотя бы в какой-то мере глядеть на вещи его глазами. Это и называется научная школа.

У нее есть не только сторонники, ведь тартуско-московская семиотика и та ее ветвь, которая когда-то вполне органично обратилась к изучению фольклора и мифологии, испытывала острые стилистические и иные разногласия с другими направлениями и, в частности, с идеологизированной советской этнографией, которая часто просто не могла понять, «чем занимаются все эти структуралисты, Леви-Стросс и Байбурин». В чем нельзя отказать этой формуле, подслушанной в кулуарах одного научного учреждения, так это в интуиции масштаба явления.

Сменяются академические моды. Меняется язык описания, претерпевают изменения приемы рассуждения и критерии научности, появляются новые методы анализа. За полвека, отданные Альбертом Кашфулловичем науке, доминирующие в гуманитарных и общественных науках парадигмы поменялись не единожды. Например, семиотика, о преподавании которой в Петербурге, в подражание Тарту, можно было бы только мечтать в 1980-е, сегодня уже завершила свой цикл развития и заняла достойное место в интеллектуальном ландшафте XX в. — и только теперь, когда она давно уже перестала быть опасной в качестве потенциального претендента на место ключевого метода гуманитарных наук, ее допустили и даже предписали в качестве дисциплины в государственных

университетах. В результате, возможно, сегодняшним студентам станут более понятны работы тартуанцев, имеющие отнюдь не только исторический интерес. Ведь уже и в период «штурма и натиска» начала 1960-х, когда энтузиастам не терпелось хотя бы просто попробовать новый категориальный аппарат, новый язык описания на разном материале, появлялись работы, где новшество было не только в словах, но и в идеях и результатах. Поэтому они не устаревают. Таковы работы Ю. М. Лотмана, который был скорее постструктуралистом и умножал семиотику на свою широчайшую эрудицию и аналитический дар. Таковы и работы А. К. Байбурина. Если бы кто-то захотел подражать Байбуриной, он столкнулся бы с существенными трудностями: Байбуриной подражать непросто. Его интерпретативный подход с пристальным вниманием к символическим аспектам поведения, с унаследованным от позднего Лотмана интересом к динамике культурных систем всегда предлагает читателю захватывающее интеллектуальное приключение.

Одна особенность А. К. меня всегда особенно впечатляла: способность просто говорить о сложных вещах, наводя в них порядок. В условиях «горячей» культуры, нагромождающей информацию и публикующей столько книг и статей, что даже специалисту ознакомиться со всеми хотя бы в одной какой-то области едва ли возможно, роль ученого, предлагающего теоретические обобщения, состоит в «сжатии» информации. С этим связана и одна из важных функций научного руководителя: он должен показать ученикам книги, которые нужно прочитать, и одновременно указать на те, которые читать всерьез не следует, хотя многие читают. Метафорическая «Шинель» на самом деле очерчивает круг, куда входят идеи и книги, на которые она ссылается, но и — опосредованно — такие, которые были важны для тех авторов, которые повлияли на А. К. При этом парадоксальным образом этот круг не замкнут, он притягивает к себе новое и обращен в будущее. Потому что научная школа, об интеллектуальной генеалогии которой когда-нибудь появится отдельное исследование, является живым организмом.

Фестшриффт, в сущности, оказывается инструментом осознания себя, необходимым этому сообществу, неслучайно тяготеющему к двум центрам: факультету антропологии Европейского университета и журналу «Антропологический форум». Неслучайно — потому что и факультет, и журнал когда-то были придуманы и созданы Байбуриным.

Библиография

- Байбурин 1983 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
- Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
- Байбурин, Топорков 1990 — *Байбурин А. К., Топорков А. Л.* У истоков этикета: Этнографический очерк. Л.: Наука, 1990.